

Культура

Николай Растворгев награжден медалью НАТО за поддержание мира и свободы в Европе

Михаил МАРГОЛИС

Приближающийся День защитника Отечества пройдет с песнями. По крайней мере в Москве. Раньше, в милитаристский «мужской день» солировал исключительно любимец столичного градоначальника Олег Газманов. Его обращение «Господа офицеры!» неслось над страной посредством теле- и радиоэфиров, а сам бывший гимнаст-мореход выступал в главном концертном зале страны с праздничной программой. Олег Михайлович и в этом году споет 23 февраля для людей в погонах. В Кремле. Но теперь у него появились серьезные конкуренты — коллектива «Любэ», также обожающий гимнастки и камуфляж, но предпочитающий героической патетике этакую сермяжность и доверительные интонации, намерен поздравлять защитников Отечества в ГЦКЗ «Россия» аж два дня подряд — 22 и 23 февраля. Концерты «замаскированы» под презентацию сборника военных песен группы «Ребята нашего полка».

Фронтмен команды, коренастый Николай Растворгев, привыкший в последнее время к ношению спецназовского берета, в преддверии торжественного мероприятия дал «РК» эксклюзивное тематическое интервью.

— Скажи, Николай, и сколько же еще «Любэ» планирует подвизаться на благодатном поприще военного репертуара и как делить эту нишу с теми исполнителями, кто нацелен на схожую с вашей аудиторией?

— Мне на самом деле наплевать, кто на что нацелен. И потом, это только кажется, что мы поем преимущественно о войне. Из 80 песен, составляющих наш репертуар, военных штук десять. Собственно, в альбом «Ребята нашего полка» они и вошли. Это ведь не новая пластинка, а сборник. Из композиций, никогда ранее не издававшихся, в него вошла лишь песня «Луговая трава».

— И все-таки выпускается данный сборник не ради одного дня. По меньшей мере полгода он будет фигурировать на рынке как последняя пластинка «Любэ» и группу продолжат ассоциировать с военной тематикой?

— Ничего страшного. К осени появится совершенно другой наш альбом. Раньше решили его не издавать. Вот стада пройдет, урожай соберут...

— Костяк вашей публики составляют, на первый взгляд, диаметрально противоположные категории слушателей: пацаны, в прямом смысле слова, обычные юноши с окраин, готовящиеся к армейской службе или просто романтизирующие солдатскую действи-

тельность, и «пацаны» с барсетками в руках, на иномарках, отнюдь в окопы не стремящиеся, но также готовые послушать про комбатов и дембелей...

— Я как-то не анализировал наших поклонников столь тщательно. Про «пацанов» и «братьев» вообще уже давно не слышал. Прошли те времена. Думаю, мы интересны тем, кто находит в наших песнях какой-то мужской стержень. Причем это касается не только военных песен. Хотя о них, конечно, разговор особый. В конце концов только призыв в армию происходит два раза в год. Так что наш репертуар всегда актуален.

Любые войны рано или поздно заканчиваются, и, полагаю, когда-то мы от данной тематики отступим. Но сейчас момент еще не настал. Знаешь, сколько песен про комбатов мне предлагают едва ли не каждый день? Приходится благодарить и отказываться, объясняя, что один «Комбат» у нас уже есть.

— Согласен с позицией тех, кто считает, что «Любэ», как говорится, несчастье помогло. Такая политическая ситуация в 90-х в стране сложилась: конфликты этнические, теракты, чеченская кампания, что группе удачно удалось «вырваться» из люберецкой, гротескно-перестроечной эстетики в гражданско-патриотическую. А не возникли такая почва, группа вряд ли сохранила бы популярность.

— Не спорю: политическая ситуация, как ни цинично это звучит, сыграла нам на руку. Но это не значит, что в противном случае «Любэ» исчезло бы. Скажем, упомянутая тобой «люберецкая» эстетика закончилась еще до чеченской войны, а мы как-то оставались на плаву. Повторю, военные песни — лишь шестая часть нашего репертуара. Если их убрать, разве нам не о чем станет петь? Вспомни, хотя бы альбом «Песни о людях».

— Какой-то ты, Николай, непробивной. Вот Газманов поет идеально правильные песни про офицеров, Москву, Петербург, россию, получает награды, звания, привилегии, а ты вроде вдали от истеблишмента?

— Да ладно. На приемах в Кремле я тоже бывал, и награды имеются. Надо как-нибудь на праздник их надеть сразу все. У меня, кстати, единственного из россиян, есть медаль НАТО за поддержание мира и свободы в Европе!

— Кто вручил?

— Представители этой организации. В Москве.

— Скажи, а ты до сих пор любишь смотреть «Великую Отечественную»? Помню, лет семь назад, приехав на «Славянский базар» в Витебск, ты безвылазно сидел в своем лю-

Лишь бы не было войны

Ксе и просматривал серию за серий этот легендарный документальный фильм?

— И теперь его обожаю. Зато совершенно разлюбил американское кино. Старое еще смотрю, правильное такое, а современные голливудские фильмы не занимаю. Наше сегодняшнее кино лучше. Оно становится качественнее год от года, выходит на европейский уровень.

— Может, в таком случае тебе вновь обратиться к какому-нибудь кинопроекту? Когда-то вы ведь сняли «Зону «Любэ».

— Не исключено, что такое произойдет. У Сашки Шаганова валится еще масса хороших текстов, их можно объединить в некий сценарий.

— Когда тебя последний раз упрекали в том, что вот ты выходишь на сцену в гимнастер-

ке, поешь про войну, а сам даже в армии не служил?

— Ну сейчас так уже почти не говорят. Я же честно отвечаю, что в армии не был. Не скрываю. Так что подкапывать не интересно. Хотя мог «хорониться», лукавить, утверждать, что служил. И ведь доказал бы кому угодно. У меня столько «однополчан» по всей стране обнаруживается.

— Ты «косил» от армии или так сложились обстоятельства?

— Во всем виновата Москва-река, на берегу которой я вырос. Однажды купался и залил ухо. Мне лет 13 было. Родителям ничего говорить не стал, но вскоре началось воспаление среднего уха, меня прооперировали, а спустя несколько лет, на призывающей медкомиссии этоказалось. Вместо записи «годен к строевой» получил белый билет.

— Обрадовался тогда или горючился?

— Горючился и даже очень. Я был нормально физически развит, хотел попасть в элитные войска, ВДВ, скажем, или в морскую пехоту, а пришло отправляться на военную кафедру в институте.

— «Любэ» передко критикуют за «лубочность» композиций, искусственность, нарочитую патриотичность...

— Народ не обманешь. Особенно тех, кто бывал в «горячих точках» или продолжает армейскую службу. Почем-то эти люди выбирают наши песни. Выходит, доверяют. Псевдопафосом, не-натуральной слезой их не пробьешь. Да и с музыкальной точки зрения все у нас грамотно сделано.

— Ты не раз признавался, что «Любэ» — скорее сольный

проект Растворгева, нежели полноценная группа?

— Верно. Мы не можем в полном смысле слова считаться группой. «Любэ» — это вокально-инструментальный ансамбль. Группой же обычно называют коллектив единомышленников, которые вместе росли, сидели где-нибудь в подвале или репетировали у кого-то на квартире, преодолевали безденежье и прочие трудности, но упрямо гнули свою линию и выпестовали собственный почерк, репертуар. В «Любэ» все по-другому. Но проект подтвердил свою жизнеспособность, и пока не вижу смысла его прекращать.

— Время, когда становится тревожно: а будет ли сегодня аншлаг в зале, для вас еще не настало?

— Пока нет. Куда ни приедем — всюду полный зал.